

ИДИОМА СОБАКУ СЪЕСТЬ: СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Статья посвящена идиоме *собаку съест на чем-либо* 'об опытном, умелом, знающем человеке'. Приводятся существующие версии происхождения этого фразеологизма. Привлечены данные русских народных говоров для обоснования двух наиболее вероятных гипотез происхождения идиомы. Проводится сопоставление с диалектными выражениями *беса съест, гвоздь съест, съест иголки* с тем же значением 'хорошо уметь что-либо, иметь опыт в чем-либо'. Обосновывается версия о том, что идиомы *собаку съест, собаку сожрать* имеют в своей основе сакрально-мифологический мотив уподобления едока пище.

Ключевые слова: этнолингвистика; фразеология; собаку съест; лексика опыта.

В настоящей статье речь пойдет прежде всего об идиоме *собаку съест на чем-либо*, характеризующей человека, который приобрел опыт, знания, умения в какой-либо сфере. Это широкоупотребительное выражение, по свидетельству Л.С. Пугачевой, относится к числу фразеологизмов, наиболее непонятных для учащихся, осваивающих русский язык [1. С. 47]. Причина заключается в немотивированности выражения и собственно в эксцентричности образа поедания собаки: даже носитель русского языка затрудняется в интерпретации внутренней формы – буквальной основы – этой идиомы.

В современном русском языке данное выражение управляет существительными либо местоимениями в предложном падеже, называющими сферу накопления опыта (*в науках, в горном деле, на женской красоте, на черном пиаре* и др.): разг. *собаку съест на чём, в чём* 'хорошо разбираться, быть особенно искусным, сведущим в чем-либо; об опытном, умелом, знающем все тонкости какого-л. дела человеке' (*Он охотно любил подиутить над ученым... и Алексисом, который в науках, что называется, собаку съел* (Салтыков. Невинные рассказы); *А что до тканей, в них я не знаток, О них спросить царицу Марью. Бабы На том собаку съели* (А.К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного); *Проخور приглашал и Протасова: тот универсально образован и в горном деле собаку съел* (Шишков. Угрюм-река)) [2. С. 412; 3. Т. 14. С. 7 и др.]; *Выделить можно разве что две группы: в первой – те, кто собаку съел на черном пиаре, во второй – оказавшиеся у власти неожиданно, вопреки всем прогнозам и предположениям* (А. Кузьмин. Выбери меня. 2003) [4]; *Настя знает, что я собаку съел на женской красоте, и ценит во мне это вполне мужское качество* (Г. Алексеев. Зеленые берега. 1983–1984) [4].

В русских народных говорах (нижегородских) обнаруживается аналог рассматриваемого выражения с замещенным глагольным компонентом: нижегор. *собаку сожрал кто-либо* 'умеет поговорить, занять разговором кого-либо' (*Ты, чай, знаешь? Баить-то он собаку сожрал*) [5. Т. 39. С. 139]. Поскольку это единичная фиксация, вполне вероятно, что оно вторично по отношению к повсеместно распространенному *собаку съест* – например, появилось в речи информанта в результате неточного припоминания известного выражения или стремления придать ему большую

экспрессию путем замены нейтрального *съест* грубым *сожрать*. Словарная дефиниция здесь фактически некорректна, поскольку она определяет не собственно идиому *собаку сожрать*, а расширенное глагольным компонентом выражение *собаку сожрать баить*.

В способности выражения *собаку сожрать* сочетаться с глаголами речи можно даже предполагать ключ к интерпретации идиомы, поскольку «голосовая» составляющая – одна из самых заметных в образе собаки (она *лает, брешет*). Стереотипное представление о собачьем лае легло в основу лексем и фразеологизмов, обозначающих свару, ругань, а также бранчливого человека: простореч. *собачиться* 'ругаться, браниться' [3. Т. 14. С. 11], новг. *собака* 'о человеке, склонном, любящем ругаться, браниться' (*Эдакий ты собака, всякого ты проходящего облаешь*), перм. *собаку съест* 'сильно выбранить, выругать кого-л.' (*Обижат внучку-то, я молчу, а сама собой думаю: вот одне-то останёмся, тогда я собаку съем, всё выскажу; Не дала ему денёг, дак он собаку-то съел, как токо не представил меня*) [6. Т. 4. С. 362], смол. *со рта собаки скачут* 'о бранчливом человеке', омск. *собаку выпустить (спустить) на кого либо* 'начать бранить, ругать кого-либо', омск. *отсобачить* 'накинуться с руганью, выбранить' [5. Т. 39. С. 139], перм. *собаку открыть* 'извергнуть поток брани' (*Такую собаку на меня от-крыла, что я и разговоривать не стала с ей*) [6. Т. 4. С. 246], перм. *держат собаку во рту* 'сквернословить' (*Не держиде собаку во рту, не ругайся, мол, дак и порчи не будёт*) [Там же. С. 104] и др. Но все же соотносить анализируемое выражение *собаку сожрать* только с представлениями об умении говорить невозможно по ряду причин: (1) в записанном диалектном контексте со словом *баить* совершенно не актуализирована семантика брани; (2) дефиниция, приведенная в словаре, касается не собственно выражения *собаку сожрать*, а ориентирована на третий – свободный, замещаемый, указывающий на профилизацию опыта – компонент *баить*, а между тем третий компонент (будь то предложно-падежная форма или инфинитив) вариативен и не составляет часть идиомы; версия не имела бы объясняющей силы для тех многочисленных (составляющих большинство) контекстов к выражению *собаку съест* (явному аналогу идиомы *со-*

баку сожрать), в которых речь идет о любом другом практическом навыке, опыте, умении, кроме речевого. Кроме того, актуализация посредством слова *собака* хорошо известной языку параллели между речевой способностью человека и собачьим лаем не разрешает недоумения относительно компонента *съесть, сожрать*.

За отсутствием достоверных сведений о том, с какого времени имеет хождение данная идиома, можно указать лишь несколько ориентиров. О.Н. Трубачев, посвятивший одну из своих работ вопросам происхождения названий животных, указывает, что «бесспорно общеславянским названием собаки является *рьсь*, известное с самого начала как родовое обозначение животного» [7. С. 19], а слово *собака*, в котором этимологи предполагают иранское либо тюркское заимствование, «в качестве основного родового названия животного <...> безраздельно господствует только на восточнославянской языковой территории» [Там же. С. 29].

Ранее мы уже указали, что управление существительными или местоимениями в предложном падеже с предлогами *на* и *в* (*на чем, в чем*) характерно для идиомы *собаку съесть* в современном русском языке.

В текстах же, созданных до начала XX в., можно встретить другие употребления идиомы:

– с глаголом в инфинитиве, как уже отмечалось выше: *Заводские начальники По всей Сибири славятся – Собаку съели драць* (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо) [3. Т. 14. С. 7]; *Нечистый дух собаку съел Нам строить козни и подкопы* (П.А. Вяземский – Пушкину, эпиграмма. 1828) [8]; *Ты, чай, знаешь? Баить-то он собаку сожрал* [5. Т. 39. С. 139]. Присоединяемый глагол называет собственно действие, умело выполняемое человеком: это *у м е н и е* и дает основание к тому, чтобы заключить, будто характеризующее лицо имеет соответствующий опыт (т.е. часто и много совершает указанное действие);

– с существительными в винительном падеже с предлогом (*на что*): *Вот это прекрасно! На эти вещи он собаку съел. Стало быть, вы с ним познакомились?..* (П.А. Каратыгин. Вицмундир. 1845); *Вы, западные, собаку съели на все науки* (О.И. Сенковский. Превращение голов в книги и книг в головы. 1839) [4]; *На всё сладострастное ты собаку съел* (П.А. Катенин – Пушкину. 1826) [8]; *Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел* (Пушкин – П.А. Плетневу. 1830) [Там же].

В XIX в. выражение *собаку съесть* было, очевидно, уже широко известно, если судить по фактам использования идиомы писателями и поэтами в личных письмах и в произведениях: *Дядя Ипатыч уважал «Карлу», потому что по всякому фабричному делу «он собаку съел», особенно по доменному производству* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Под домной. 1891); *Когда-то он где-то был учителем, пописывал что-то, чёрт его знает, кем он был, но только умница замечательная и по части философии собаку съел* (А.П. Чехов. Огни. 1888); *Он неохоч до слов, но он на деле Собаку съел; ему ведь не впервой* (А.К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного. 1862–1864); *Ну, – говорил*

он, – а помещик ваш в музыке собаку съел, мне у него учиться приходится, и голос у фрейлен Юльхен очень прекрасен; да и глаза-то у нее недурны, философ-то ваш знает, где раки зимуют (А.И. Герцен. Поврежденный. 1851); *Кстати ж про стихи сказала: Он на них собаку съел, Даже многим надоел!* (И.П. Мятлев. Борромейские острова и Комо. 1840); *Да ты, черт побери, на виришах собаку съел* (И.И. Лажечников. Ледяной дом. 1835); *За то его собака съела, Что в песнях он собаку съел!* (А.А. Дельвиг. «Хвостова кипа тут лежала...». 1827) [4] и др. Более ранние текстовые употребления нам неизвестны.

Недостаток текстовых данных, затруднения в интерпретации метафоры поедания собаки, а также неочевидность связи образа собаки и семантики опыта побуждают исследователей к тому, чтобы вновь и вновь обращаться к вопросу происхождения этого выражения. Семантико-мотивационная реконструкция идиомы *собаку съесть на чем-либо* является основным предметом данной статьи.

Далее уделим внимание каждой из составных частей идиомы – *съесть* и *собака*, предварив свои соображения изложением имеющихся в научной литературе точек зрения на происхождение идиомы.

Версии происхождения идиомы *собаку съесть в / на чем-либо*

Существуют лишь предположения относительно происхождения этого выражения. Чаще всего транслируется версия, связывающая это выражение и зафиксированную В.И. Далем поговорку. Согласно ей идиома является результатом усечения иронической поговорки *Собаку съел, только хвостом подавился* [9. Т. 4. С. 257], при этом остается неясным, откуда взялся смысл ‘опыт, умение, знание’ у первой, оставшейся в активном употреблении части выражения при отсутствии подобных смысловых компонентов у якобы исходного полного варианта поговорки, обозначающей «недоверие по отношению к какому-либо событию» (так как «съесть целую собаку если не невозможно, то очень трудно») [10. С. 30]. Эта дефиниция касается, по-видимому, первой части паремии, а целиком высказывание характеризует ситуацию, когда дело оказалось расстроено, не доведено до конца из-за незначительного препятствия. Вообще подобные паремии, построенные по схеме «сделал что-либо масштабное, но не завершил (потерпел фиаско) из-за малости», известны народной речи: *Съел волк кобылу, да дровнями подавился; Переплыл море, да в луже утонул; Хорошо затянул (песню), да вынося осёкся* [11. С. 822], ср. *Дело без конца – что кобыла без хвоста* [Там же. С. 213]. Под вопросом остается возможность реконструкции семантического перехода «сделал большое дело > стал опытным», поскольку нам неизвестны другие фразеологические единицы со значением ‘об опытном’, которые появились бы в результате разрушения (усечения) паремий подобной структуры.

М.И. Михельсон снабжает фразеологизм комментарием, указывающим на такие черты в образе собаки, как смелость и ловкость: «Собаку съел = дока,

изучил дело; насобачился = набил руку (сделался смелым, ловким, как собака)» [2. С. 412]. При этом в словаре размещена также справочная информация о фактах употребления в пищу собачьего мяса.

По мнению Н.И. Маругиной, в основе выражения *собаку съел* лежит, как в случае со многими другими фразеологизмами, метафорический перенос «человек – собака», поскольку собака выступает «символом мудрости, большого ума, зрелости и опыта» [12. С. 29]. Вывод об этом делается на основе анализа пословиц *Старее половой собаки; Старую собаку не волком звать; Старую собаку не батькой звать; Попову собаку не батькой звать; Старый пес не обманет; Стар пес, да верно служит; Старого пса к цепи не приучишь* [Там же. С. 28]. Исследовательница считает, что стержневым компонентом анализируемого выражения следует считать именно существительное: «Ключевое слово *собака* в этом случае воспринимается как номинация источника “знаний, умений, таланта”» [Там же. С. 21]. При этом слово *съест*, по мнению автора цитируемой статьи, не несет никакой нагрузки в рассматриваемом сочетании: «Выражение *собаку съест* не имеет связи с понятийной сферой “еда, трапеза”, а помещается в сферу “умственных, интеллектуальных способностей”» [Там же]. Заметим, что все приведенные пословицы, на основе анализа которых проведена экспликация смыслов ‘умный, мудрый, опытный’, содержат прилагательное *старый*, которое, думается, играет в них решающую роль, а между тем нам неизвестно выражение **старую собаку съел на / в чем-либо*. Наконец, все же кажется невозможным сбросить со счетов глагол *съест* при толковании идиомы.

Наоборот, центральное место отводит глаголу *съест* М.Л. Ковшова: «О еде в целом можно говорить как о символе опытности, знания, и компонент *съест* в образе фразеологизма обладает таким символическим прочтением» [10. С. 30]. При этом *собака* квалифицируется как квазисимвол, который не имеет отношения к опыту, т.е. самостоятельно не выражает смысла ‘опытный’: «[Компонент *собака*] “вовлекается” в символическое переосмысление пищи только благодаря сочетанию с компонентом *ест*» [Там же]. Исследовательница выдвигает версию, отсылающую к присутствию семантики количества у выражений со словом *собака*: «Можно предположить, что фразеологизм *съест собаку* возник в результате “ассоциативного распыления” другого устойчивого смысла, который действительно присущ имени (и реалии) *собака* – ‘много’. См. фразеологизмы: *как собак нерезаных; как собак небитых; как собак недобитых; как собак невешаных*» [Там же]. Такое сближение, вероятно, можно допустить (добавим от себя, что действительно есть обозначения опытности, акцентирующие сему ‘много’: пск. *со всех печек хлеба покушат* ‘много испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ [13. С. 60]), однако все же данной трактовке анализируемого выражения препятствует тот факт, что слово *собака* употребляется в составе идиомы исключительно в единственном числе, т.е. не зафиксирован вариант с существительным в форме множественного числа **съест (всех, многих) собак*, поэтому предло-

женная реконструкция кажется недостаточно убедительной.

Однако важнее всего для нас то, что М.Л. Ковшова отмечает важную семантическую особенность ряда идиом, включающих глагол *съест* (*съест собачий язык* ‘разглагольствовать сверх меры’ и др.): в их основе лежит смысл «уподобление едока пище» [10. С. 30]. Далее она не развивает эту идею по отношению к фразеологизму *собаку съест*, однако нам кажется, что эта гипотеза достойна внимания и проверки.

Прочие пересказываемые в сети Интернет варианты интерпретации образа поедания собаки (об ощущении такого голода при косьбе, что, кажется, собаку бы съел <со ссылкой на А. Потебню>; о петрозаводцах, ставших посмешищем из-за того, что чуть не съели суп из собачатины <со ссылкой на С. Максимова>; о солярном псе, или солнечной собаке, в древнеперсидских мифах <со ссылкой на Б. Рыбакова>; о неудачном броске, называемом *собакой*, в ритуальной индийской игре в кости и проч., из которых часть изложены и критически оценены как маловероятные в [14. С. 703] и как имеющие «анекдотический характер» в [15. С. 245]), оставим без комментариев, поскольку не находим лексических данных, которые подтверждали бы их, и не видим возможности сколько-нибудь надежного их семантического обоснования, и обратимся прежде всего к метафоре поедания, образующей стержень идиомы *собаку съест*.

Еда как метафора приобретения знания и опыта

Лексико-семантическое поле «Опыт», объединяющее слова и устойчивые выражения из разных подсистем русского языка, включает идиомы, имеющие в своем составе (1) слово *ест* ‘принимать пищу’, его дериваты и синонимы (*съест, приест, проест, заедать, покушат*), (2) соматизмы *зубы, губы*, а также (3) «пищевую» лексику – обозначения блюд, продуктов, того, что можно употреблять в пищу (*хлеб, каша, щи, куколь*).

Концептуальная основа выбора номинатора в пользу гастрономической метафоры очевидна: опыт приобретается эмпирически, путем проверки, пробы (ср. *все перепробовать* – об опытном освоении мира). Способность поглощать пищу – частный случай «пробования», ср. *вкушат* ‘испытывать, ощущать’ (*Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил?* (Гоголь. Мертвые души)) [3. Т. 2. С. 425]. Мы не говорим о вкусовой метафоре в чистом виде, однако и она появляется особенно отчетливо на уровне синтагмы, ср. *горький опыт*.

Итак, жизненный опыт осмысливается через представление о восприятии действительности органами чувств в силу «относительной универсальности перцепции» [16. С. 4].

Опытность заключается в обладании практическим знанием, отсюда сходство лексических репрезентаций концептов ОПЫТ и ЗНАНИЕ. Известно, что интеллектуальная деятельность, направленная на приобретение знаний, в наивно-языковом сознании ассоциируется с поглощением и механической обработкой пищи, что находит выражение в следующих

языковых единицах: книж. *грызть гранит науки* ‘упорно овладевать знаниями’, *вкушать от древа познания добра и зла* ‘приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений’, *впитать / всосать с молоком матери* ‘усвоить с детства’, *пицца для ума / для размышлений* ‘материал для мыслительной деятельности’; разг. *глотать книгу за книгой* ‘быстро читать’; диал. *разжевать* ‘догадаться, сообразить’ [17. С. 90], *подкармливаться* ‘подглядывать, заглядывать в книгу, отвечая на уроке’ [5. Т. 28. С. 27], *голова не переваривает* ‘о том, кто туп, глуповат’ [Там же. Т. 26. С. 43]; жарг. *хавать что* ‘понимать что-л., хорошо разбираться в чем-л.’ [18. С. 637], *промокать* ‘понять что-л., разобраться в чем-л.’ [Там же. С. 487], *несварение головы у кого* ‘кто-л. недоумевает, не понимает чего-л.’ [Там же. С. 382] и др. (подробнее см.: [19. С. 212–214]). О продуктивности модели «есть > мыслить, приобретать знания» говорит тот факт, что среди ее репрезентантов есть номинации, принадлежащие разным языковым стратам: литературному языку, русским народным говорам, жаргону.

Концептуализация приобретения и опыта, и знания посредством гастрономической метафоры утверждает родство этих когнитивных категорий, хотя между ними есть некоторые различия. Так, если познание интерпретируется образно как поглощение большого количества пищи, то получение опыта – чаще как употребление разной пищи, на что указывают компоненты *всякий, все, не один, семь, много* в составе фразеологизмов – арх. *испытать всяких хлебов* ‘много пережить’ [20. С. 301]; волг. *не с одной печи хлеб ел* ‘об опытным, бывалом человеке’ [21. С. 497], пск. *со всех печек хлеба покушать* ‘много испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ (*Я са всех печек хлеба покушала*) [13. С. 60]; пск. *много хлеба съест и съест не один хлеб* ‘много пережить, испытать в жизни’ (*В ётам доме много и хлеба съели; Уже не один хлеб съедена*) [Там же. С. 78], *Он везде бывал, из семи печей хлеб едал* [22. С. 64]. Кроме того, мыслительная деятельность ассоциируется с переработкой пищи – ее измельчением, перевариванием, в то время как приобретение опыта видится как пробование, без акцента на переработке. Не случайно неопытность образно представлена как первый прием пищи (первая ее проба) либо как незнакомство с пищей, которую едят в трудные времена – в голод: волг. *заедать первую травинку* ‘начинать жить, набираться опыта’ (*Я жизнь прожил, а вы только первую травинку заедаете*) [23. Т. 4. С. 65]; костр. *куколь не ели* ‘о тех, кто не относится к поколениям, прошедшим войну, и в силу этого недостаточно знает, не имеет большого жизненного опыта’ (*Сана Быков любит поговорить да и знает он много. А мы-то что, куколь не ели*) [24]. Наконец, мыслительная деятельность означает наполнение, «насыщение» знанием (образно говоря, оно поглощается, перерабатывается, усваивается, накапливается), а опыт трактуется как познание на вкус, как результат многократных «пробных» соприкосновений с действительностью.

Семантическое преобразование «тот, кто много едал, перепробовал > опытный» кажется возможным реконструировать и для волг. *едоха* ‘знарок в каком-

либо деле, сведущий, искусный и опытный, дошлый, источник, мастер’ [9. Т. 4. С. 680], поскольку слово *едоха* имеет также значение ‘кто помногу ест, у кого выть (аппетит) большая: прожора, обжора, объедала’ [Там же. С. 680].

Организованную по метонимическому типу вариацию на ту же тему «опытный – попробовавший многое» представляют собой пск. *зубы съест на чём* ‘приобрести опыт в какой-л. области’ [13. С. 43]; сиб. *проест зубы* ‘собаку съест; опытный в каком-либо деле’ (*Соболятник. Мидвижатник. Жубы проел [об охотнике]*) [25. С. 154]; дон. *проест зубы и губы* ‘быть сведущим, опытным’ (*Бедовый парень, проел зубы и губы, все знает*) [5. Т. 32. С. 132]; дон. *приест зубы (губы)* ‘стать сведущим, опытным в каком-л. деле’ (*Дюже в работе справляется, зубы приел на этом деле*) [5. Т. 31. С. 203]. В сочетании со словом *зуб, зубы, губы* глаголы *съест, приест, проест* обозначают не поглощение чего-либо в качестве пищи (было бы странно буквально воспринимать образ «кто-либо съел зубы или губы»), а истирание в процессе еды (разрушение) органа, выполняющего функцию механической обработки пищи: разг. *съеда́ть* ‘стирать, стачивать’ (*Открытый рот [Ерошки], из которого злобно выставлялись съеденные желтые зубы, замер в своем положении.* (Л. Толст. Казаки)) [3. Т. 14. С. 1335], *приест зубы* ‘съест, приточить, истереть на еде’ (*Лошадь все зубы приела, и годов не знает*) [9. Т. 3. С. 482]. При этом появляется дополнительный, оказывающий поддержку семантический компонент возраста: «много перепробовавший за долгую жизнь > опытный».

Однако кроме поедания «на пробу» многого разного и кроме поедания в течение долгой жизни, в образной системе лексико-семантического поля «Опыт», по верному замечанию М.Л. Ковшовой [10. С. 30], получает разработку образ мифологического поедания, каузирующего сакральное уподобление едока поедаемому объекту: лат. *Linguae caninam comedit* (букв. *язык собачий съел*) ‘говорится, когда кто-либо разглагольствует без меры’ [2. С. 413]; перм. *как сорочы яйца ел* ‘проницательный, знающий’ [22. С. 65]. Ср.: *Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Корань, думая исполниться духа Магометова* (А.С. Пушкин. Отрывки из писем) [11. С. 931].

Среди подобных идиом с глаголом *съест*, принадлежащих другим семантическим полям, наиболее важны для нашего исследования те выражения, которые в качестве дополнения включают в себя обозначения живых существ. В словарях Михельсона содержатся следующие фразеологизмы: греч. *Σχορπίους βίβρωθεν* (букв. *скорпионов съел*) ‘о человеке яростном, ядовитом как скорпион’, нем. *Er hat einen Narren an ihm gefressen* (букв. *Он съел дурака в отношении его*) ‘до дурачества полюбил его’ [2. С. 413], *крокодила объесться* ‘быть сердитымъ, беспощаднымъ’ (*Этот критик, в самом деле, должно быть, крокодила объеся!* Гончаров. Литературный вечер. О беспощадном критике) [11. С. 368–369], *рябчика съест* ‘подвергаться щипанью волос’ («*Хочешь», говорит Тавля, Катька, рябчика съест? и начинает щипать*

подчинённого за волоса. Помяловский. Очерки Бурсы) [11. С. 766]. Добавим к этому русские диалектные факты: перм. *козла съест* 'отдуваться за других' (*Что я вам козла съела? Всю домашнюю работу взвалили на меня. А снохи на что?*) [6. С. 362] (т.е. съест козла = стать козлом отпущения); перм. *сидит – глядит, ровно медведя съел* 'о недовольном, злом, грубом, своенравном, вредном' [22. С. 72].

На этом фоне надежной кажется интерпретация пск. *беса съест* 'приобрести опыт в чем-либо' (*Говорить-то я беса съела*) [13. С. 17] через посредство смысла «уподобиться бесу в обладании знанием и в многоопытности». Известно, что, согласно народным поверьям, бес хитер, ловок, способен к обману, ср. эталонное сравнение: *Лукавый человек хуже / лучше беса* [26. С. 208]. Хитрость – свойство, общее для опытного человека и беса, что объясняет выбор демонического образа для языковой концептуализации опыта.

Идея мистического поедания в лексико-семантическом поле «Опыт» находит воплощение также в идиомах, в которых субстантивным компонентом выступают обозначения неодушевленных предметов – инструментов *гвоздь, иголки*: мурман. *съест гвоздь на чем-л.* 'научиться хорошо делать что-л.' (*Не учи меня, я на этом деле гвоздь съел*) [5. Т. 43. С. 108], алт. *съест иголки* 'набить руку, хорошо делать' (*Вышивать – я иголки съела, хорошо вышивала*) [27. С. 499]. Мурманское выражение мы не считаем возможным комментировать во избежание ошибки, поскольку в источнике недостает информации: в частности, ясность внесло бы знание о более широком ситуативном контексте, т.е. о том, какую сферу занятий подразумевают собеседники (*на этом деле* – на каком именно?). А записанное на Алтае выражение *съест иголки* снабжено контекстом с отсылкой к *вышиванию*, который заставляет сделать вывод о том, что «пища» (поглощаемый предмет) манифестирует сферу деятельности человека, в которой приобретает опыт.

Как мы видим, в ряде языков имеются устойчивые выражения, воплощающие архаичную модель «съесть кого-либо, что-либо > уподобиться съеденному по характерным чертам». К тому же она проявляет себя собственно в лексико-семантическом поле «Опыт» (*беса съест, иголки съест, гвоздь съест*). По аналогии с этими выражениями можно предполагать в идиоме *собаку съест / сожрать* 'быть опытным в чем-либо' семантическую пропозицию «съесть собаку = стать подобным собаке».

Далее следует уделить внимание собственно образу собаки в поиске точки соприкосновения устойчивых представлений о собаке и представлений об опыте или знании.

Собака и сакральное знание

Присутствие в одном лексико-семантическом поле структурно и семантически близких идиом *собаку съест* и *беса съест* побуждает к проведению аналогии между ними и поиску сакрально-мифологических смыслов в представлениях о собаке.

Известно, что в мифологических поверьях исконных славян собака наделяется магическими свойствами: даром предвидения, способностью предсказывать судьбу и отгонять нечистую силу [28. С. 137], причисляется к нечистым существам, в народном сознании часто отождествляется с дьяволом [29. С. 320; 30. С. 59 и др.].

Народной традиции известны поверья об оборотнях, превращающихся в таких животных, как кошка, собака, реж – волк, корова, свинья; ср. записи, сделанные, например, в Ульяновской области: *У нас вот одна была женщина, умарла тожи. <...> И она ибратилась этый... сабачонкай чёрнинькай; Оборотни-то наряжались – волком или собакой, а потом человеком делался; В овраги-та у нас колодиц, вот дохожу я до этыва колодца – стоит собака, вот такая вышиной [показывает от пола рукой], бела, бела-бела, как снег; Он, грит, пыдкараулил – тяп ей [=собаке-оборотню] два пальца тапаром! И всё – ана ищезла. А, грит, поглядел: пальцы-та чилавечы, а ни сабачы!* и др. [31. С. 191–195].

Собака наделена в традиционной народной культуре сакральными свойствами: ее нельзя пускать в церковь; понюханная собакой пища считается оскверненной; согласно примете собака воеет «перед покойником», предвещая чью-либо смерть; при постройке дома собаку приносили в жертву и хоронили под фундаментом и т.д. [32. С. 148]. С.М. Белякова отмечает, что «в народной культуре собака связана с порчей, сглазом» [33. С. 14].

Добавим к этому известный факт, что собачий лай имеет символическое значение в святочных гаданиях: костр. *Забирая в подол снег, [надо] произносить магические слова; в той стороне, откуда залает собака, будет жених; Выйдут на снег – зачертаются, этак по снегу зачертаются и ждуд. В которой стороне собака залает, там и жених* [24]. Весьма показательно и то, что во время святок молодежь устраивала забаву с переодеванием в собаку: костр. *собакой ходить* 'участвовать в святочной забаве: парни наряжаются собакой и ловят девушек' (*Собакой ходили. Придут, парни хватили девушек*) [Там же].

Кроме того, упоминания собаки можно обнаружить в текстах, описывающих знахарские манипуляции, лечебную магию. Так, в обрядовых практиках лечения воспаления глаз («ячмень») существует обычай «отдавать собаке болезнь» через пищу для выздоровления человека: костр. *Песий ячмень – бабушка испекёт хлеба, мыкиша выломит, поешь – и собаке отдай, быстро сойдёт; Печачмень скочит, дак кто первый родился в семье, должен ткнуть кукшием в глаз больному: «Печачмень, леги собаке на жопу!»* [Там же]. Само это заболевание объясняется в народе тем, что человек смотрел на собаку в ненадлежащее время – когда она справляет нужду: *Не гляди, когда собака сёрет – обязательно вскочит песий ячмень – не гляди, когда собака свою нужду справляет; Как бежит собака и как она – раз, ногу подняла <...> И вот поглядишь на её, и надо сказать: «Сси-серй на свой шары!»* Вот три разá надо проговорить [Там же]. В народной медицине есть также отсылающий к переносу болезни через пищу с человека на собаку

«рецепт» от гидраденита, называемого *сучьим выменем* или *сучьими сосочками*: *костр. Сучьи сосочки – под мышкам как вередá ходили. Мажут сметаной их. Хлебом стирают сметану эту, хлеб подают собаке* [24].

О том, что собака обладает знанием, свидетельствуют русские поговорки со словами *собака* и *пес*, построенные аналогично выражениям *бог / черт / бес / леший (его) знает*, обозначающим неизвестность, непонятность: *пес (тебя, его и т.п.) знает* 'неясно, непонятно, неизвестно и т.п.' [3. Т. 4. С. 1296]; *смол. собака кого-либо знает* 'никто не знает' (*Что делать? Собака ее знает*, 1905–1921) [5. Т. 39. С. 138] и др. Структурно-семантическую пропозицию подобных выражений следует трактовать следующим образом: «...человек не знает того, что известно inferнальным персонажам». В числе таких «знающих» персонажей оказывается пес, собака – кстати, единственное животное в ряду субъектов сакрального знания, название которого функционирует в составе таких поговорок. Ср. также *омск. пёс таскает* 'чёрт носит' (*Где тебя пёс таскает?*) [5. Т. 26. С. 299].

Народные представления о связи собаки с потусторонним миром позволяют предполагать, что собаке приписывается обладание сакральным знанием, что сближает ее с бесом, чертом (ср. выражение *беса съест*) и объясняет функционирование лексемы *собака* в составе выражения, называющего человека опытного, сведушего. Ср. мнение М.А. Евдокимычевой о том, что выражение *собаку съест* обозначает «такую полноту знания (или настолько совершенное умение), которое может быть достигнуто с помощью магии» [34. С. 58].

Собака и умение

При отсутствии выражения *беса съел*, оказывающего мощную поддержку сакрально-мифологической версии происхождения идиомы *собаку съест* и суживающего круг версий до связанной с сакральными смыслами, вполне можно было бы предположить на основании все той же идеи уподобления едящего пище, что поговорка апеллирует к реальным, немифологическим характеристикам объекта, а именно прояснить актуальность смысла 'опытный, умелый, наученный' для образа собаки.

В гнезде с вершиной *собака*, объединяющем дериваты этого слова и выражения, включающие в себя данную лексему, обнаруживается множество линий семантического развития, которые приводят, например, к пополнению таких лексико-семантических полей, как «Брань», «Злость», «Верность», «Служение», «Количество» и т.д.

Среди этих семантических векторов присутствуют такие, которые ведут к лексико-семантическому полю «Опыт» и «Умение». «Мостик» к ним перекидывается от стереотипов «собака – существо страдающее, несчастное, терпящее побои и лишения, наученное побоями» (*жить, умереть и т.п. как собака; убить, избить, выгнать как собаку; вешать всех собак на кого-либо* [3. Т. 14. С. 5–6], *собачья жизнь* 'тяжелая жизнь' [2. С. 413], *как собака (устать, проголодаться и т.п.)* 'очень, сильно' [3. Т. 14. С. 6]) и «собака – животное, используемое для охраны, охоты, перевоз-

ки грузов» (ср. множество диалектных обозначений охотничьих собак, гончих: *заячья собака, зверовая собака, охотничья собака, собака-следник* и др. [5. Т. 39. С. 137–138], *красногон* [23. Т. 6. С. 137]).

Собака представляется животным, наученным, обученным выполнению каких-либо действий, «натасканным», «дрессированным», отсюда вторичное образование – простореч. *собака* и *собака на что-либо*, *в чем-либо* (или с неопр. формой глагола) 'о знающем, ловком, искусном в каком-либо деле человеке, знатоке своего дела' (*Ведь тоже и по бумажным делам какая собака! Из других станиц приезжают к нему бумаги писать*. Л. Толстой. Казаки. – *Ну, и соба-ака на слово-то!* – *улыбнувшись широкою, самодовольною улыбкою, произнес Кондратий Савельич*. Наумов, Юровая. – *Пьет, мошенник, шибко, зато собака писать*. В. Соллогуб. Тарантас) [3. Т. 14. С. 7].

Примечателен в этом смысле и глагол *насобачиться*. В современном русском языке он обозначает приобретение конкретного умения: простореч. *насобачиться* 'научиться ловко что-либо делать' (*Савелий, по народному выражению, лихо насобачился говорить по-английски*. – Марл. Мореход Никитин; *Так-то, товарищ технорук.. Здорово вы насобачились строить памятники*. – Гладков. Цемент) [Там же. Т. 7. С. 516].

Существительные *пёс* и *собака* могут использоваться при экспрессивной характеристике человека, если он проявляет хитрость, изворотливость, ум, сообразительность: *урал. пёс* 'о хитром человеке' [5. Т. 26. С. 299], *собака* 'употребляется при выражении удивления, восхищения кем-либо' (*Он малый ловкий И, нечего сказать, учен, Собака!* Полон. Свеж, преданье. – *Ничего, видно, не поделаешь – хитер, собака, ловко придумал*. (Гарин. Неск. лет в деревне)) [3. Т. 14. С. 7].

Итак, обученность – компонент образа собаки, устойчивость которого в русском языковом сознании подтверждается вторичными обозначениями опытного, умелого человека или его действий, появившимися в результате семантической деривации внутри гнезда с вершиной *собака* (*собака* 'дока', *насобачиться* 'хорошо научиться что-либо делать, приобрести опыт'). Симптоматично допущенное А.П. Чеховым расширение выражения прилагательным *легавый*, называющим охотничью собаку, которая встает перед добычей на задние лапы: *Психология занимает самое видное место. На ней наши романисты легавую собаку съели* (Чехов. Осколки московской жизни. 1883) [8]. Если собакой называют догу, сведушего, опытного в каком-либо деле, то выражение *собаку съест* в этом случае следует трактовать тоже через мотив поедания (как *скорпионов съест, крокодила съест*) следующим образом: «...съев догу, приобрести его свойства, стать сведушим, опытным человеком».

Таким образом, комплексный системный анализ группы номинаций, имеющих сходство в семантике, выявляет сходство моделей номинации и позволяет пролить свет на происхождение выражения *собаку съест*, которое относят к сращениям [35. С. 64 и др.], а значит, к «темным» языковым фактам.

Хотя действительно, по словам М.Л. Ковшовой, «само по себе действие *собаку съест* вне фразеоло-

гизма не обладает символическостью – ни в обрядах, ни в литературе этому свидетельств не обнаружено» [10. С. 30], данное выражение может быть проинтерпретировано через посредство символических смыслов, стоящих за каждым компонентом словосочетания, с учетом существования сходных по структуре выражений, на широком фоне принадлежащих лексико-семантическому полю «Опыт» номинативных единиц, объединенных гастрономической метафорой.

Мы показали, что идиомы *съесть собаку*, *сожрать собаку*, *беса съесть* имеют структурно-семантическое сходство в мотивационном отношении с выражениями *крокодила объесться*, *скорпионов съесть*, *рыбчика съесть*, *козла съесть*, *медведя съесть* и др. Их объединяет сакрально-мифологическая основа, а именно идея уподобления едока пище, в качестве которой выступает живое существо или inferнальный персонаж. Характеристики этого существа и переносятся на человека, являющегося субъектом действия, которое обозначено глаголом *съесть*. Интерпретация предиката составляет половину толкования семантики анализируемого выражения. Вопрос о толковании образа собаки может быть решен или в рамках той же мифологической версии (собака обладает сверхъестественным знанием), или в контексте бытовых представлений о животном (собака поддается дрессировке, она обучается вплоть до формирования у нее навыков – сторожевых, охотничьих, ездовых и прочих, поэтому ее образ может служить символом выработанного умения, т.е. опыта

многократного выполнения какого-либо действия или деятельности).

Сакрально-мифологическая версия привлекательна тем, что семантическая рамка демонизма связывает оба компонента идиомы *собаку съесть*: и образ мистического поедания для чудесного уподобления, и образ собаки, обладающей в народном сознании связью с потусторонним миром. Кроме того, серьезным аргументом является присутствие в лексико-семантическом поле «Опыт» идиомы *беса съесть*, которая также состоит из двух компонентов, имеющих мифологическую семантику (мистическое поедание + изворотливая искушенная бесовская натура).

Однако реляция между обладанием сверхъестественным знанием, приписываемым собаке и запечатленным в мотивации анализируемой идиомы, с одной стороны, и опытностью человека как объекта номинации – с другой, все же вызывает сомнение. Представления об опыте и знании при всем их сходстве все-таки имеют различия в способах концептуализации, поэтому идея интерференции с потустороннего знания на опыт и мастерство в какой-либо сфере не кажется вполне убедительной.

Объяснение появления семы 'опытный' на основе представлений о бытовых характеристиках собаки кажется надежным, достоверным с точки зрения семантической точности: умение, обучение, многократное повторение действий и выработка навыков как раз и составляют сущность накопления опыта, а поедание существа, обладающего такими реальными свойствами, символизирует приобретение таких свойств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

алт. – алтайские говоры русского языка; арх. – архангельские говоры русского языка; волг. – волгоградские говоры русского языка; волог. – вологодские говоры русского языка; греч. – греческое; диал. – диалектное; дон. – донские говоры русского языка; жарг. – жаргонное; книж. – книжное; костр. – костромские говоры русского языка; лат. – латинское; мурман. – мурманские говоры русского языка; нем. – немецкое; нижегор. – нижегородские говоры русского языка; новг. – новгородские говоры русского языка; омск. – омские говоры русского языка; перм. – пермские говоры русского языка; простореч. – просторечное; пск. – псковские говоры русского языка; разг. – разговорное; сиб. – сибирские говоры русского языка; смол. – смоленские говоры русского языка; урал. – уральские говоры русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачёва Л.С. Обучение иностранных студентов-филологов русской фразеологии (на материале фразеосемантического поля «Деятельность человека») // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 1. С. 45–51.
2. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Второе пересмотр. и значительно пополненное изд. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1896. 598 с.
3. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.: Наука; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 12.02.2017).
5. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л., 1965–2016. Т. 1–49.
6. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.
7. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: этимологическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.
8. Фундаментальная электронная библиотека: литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/feb/foundation.htm> (дата обращения: 12.02.2017).
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1982. Репринт с изд.: М., 1880–1882. Т. I–IV.
10. Ковшова М.Л. О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 27–31.
11. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: посмертное издание. Второе пересмотр. и значительно пополненное изд. СПб.: Типография акц. общ. «Брокгауз – Ефрон», 1912. 1046 с.
12. Маругина Н.И. Концепт «Собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. № 2 (6). С. 11–30.
13. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 3.
15. Мокиенко В.М. Русская фразеология в интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) // Медиалингвистика. 2013. Т. 1. С. 244–252.
16. Смирнова Е.Ю. Категория ВКУС в ценностно-смысловом пространстве языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2016. 24 с.

17. Новгородский областной словарь / Институт лингвистических исследований РАН ; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010. Т. 9. 1435 с.
18. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; С.-Петерб. гос. ун-т. Межкаф. слов. каб. им. Б.А. Ларина. СПб. : Норинт, 2000. 716 с.
19. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / под ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.
20. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / ред. А.С. Герд. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 1994–2005. Вып. 2.
21. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.
22. К пиру едятся, а к слову молвится : народная паремика Пермского края : сб. фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т ; авт.-сост.: И.А. Подюков, Е.Н. Свалова. СПб. : Маматов, 2014. 173 с.
23. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001–2011. Т. 1–5.
24. Лексическая картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).
25. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. 232 с.
26. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М. : Индрик, 1999. 624 с.
27. Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. Т. 4.
28. Коваль У.І. Народныя ўяўленні, павер’і і прыкметы : даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі. Гомель : Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. 180 с.
29. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : образ мира и миры образов. М. : Владос, 1996. 415 с.
30. Бектемирова С.Б. Образ собаки в тюркской и славянской культурах / С. Б. Бектемирова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. : в 15 т. СПб. : МАПРЯЛ, 2015. Т. 6. С. 55–60.
31. Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья : этнодиалектный словарь : в 2 т. / колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова) и др. М. : Индрик, 2012. Т. 2. 656 с.
32. Бузин В.С. Идиоматика и обряд: обычай «Гонять собак» на Тамбовщине // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (142). С. 147–153.
33. Белякова С.М. Собака в диалектном и литературном дискурсе // Язык в пространстве речевых культур : к 80-летию В.Е. Гольдина. Москва ; Саратов, 2015. С. 12—21.
34. Евдокимычева М.А. Обыденные представления в картине мира русской культуры: изучение на языковом материале // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 31. С. 55–58.
35. Бизунова Е.В. Мир фразеологии : попытка пересмотра некоторых традиционных понятий // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 59–72.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 августа 2017 г.

THE IDIOM *SOBAKU S'EST* 'KNOW SOMETHING THOROUGHLY': A SEMANTIC-MOTIVATIONAL RECONSTRUCTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 17–25.

DOI: 10.17223/15617793/422/3

Tatyana V. Leontyeva, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: leotany@mail.ru

Keywords: ethnolinguistics; phraseology; *sobaku s'est* 'to know something thoroughly'; vocabulary of experience.

The study is supported by the Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 “Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics”).

The article is devoted to the idiom *sobaku s'est na chem-libo* [literary: eat a dog at smth.], ‘to know smth. thoroughly’, that characterizes a person who has acquired experience, knowledge and skills in any field. The topicality of the study is justified by the invariable interest of native speakers in the origin of idioms due to the eccentricity of the image of eating a dog. The existing versions of the origin of this idiom are given, their strengths and weaknesses are commented on. The author draws the data of Russian dialects to justify the two most probable hypotheses of the origin of the idiom. A comparison with the dialect expressions *besa s'est* [eat a demon], *gvozd' s'est* [eat a nail], *s'est igolki* [eat needles] with the same meaning ‘be good at smth., have experience in smth.’. The author believes that the idioms *s'est sobaku*, *sozhrat' sobaku*, *besa s'est* have structural and semantic similarities in the motivational attitude with expressions *krokodila s'est* [eat a crocodile], *skorpion s'est* [eat a scorpion], etc. The hypothesis that these idioms are based on the sacral-mythological motif of a consumer being like food. It is shown that experience in the naive-linguistic consciousness is associated with eating something. In particular, in the analyzed lexical-semantic field there are metaphors such as “trying many different things” (a person who experienced a lot, is skilled) and “eating during a long life” (a person who lived long, is skilled). In addition, in the figurative system of the vocabulary of experience there is a mythological model of eating. It is no coincidence that a living creature or an infernal character acts as “absorbed food”. The characteristics of this entity are transferred to the person who is the subject of the action indicated by the verb *съесть* ‘to eat’. The question of the image of dog interpretation can be solved within this mythological version (It is known that in the mythological beliefs of primordial Slavs the dog is endowed with magical properties: the gift of foresight, the ability to predict death, drive away impure force; the dog has supernatural knowledge, maybe a werewolf and also an object of healing magic), or in the context of common ideas about the animal (a dog can be trained, it is trained until the formation of the skills to guard, hunt, sled and others; therefore, its image can serve as a symbol of competence, that is, experience of repeated action or activity). The sacral-mythological version is appealing because the semantic frame of demonism links both components of the idiom *sobaku s'est*: the image of mystical eating for miraculous assimilation and the image of a dog that in the popular mind has connection with the other world. The explanation for the emergence of the same ‘experienced/skilled’ on the basis of the household characteristics of a dog looks more reliable from the point of view of semantic accuracy. Multiple repetition of actions and the development of skills just constitute the essence of the accumulation of experience, and eating a creature that possesses such real properties symbolizes the acquisition of such properties.

REFERENCES

1. Pugacheva, L.S. (2011) Teaching Foreign Students-philologists Russian Idioms (on the Example of Phraseological and Semantic Field People's Activity). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 1. pp. 45–51. (In Russian).
2. Mikhel'son, M.I. (1896) *Khodyachie i metkie slova. Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazheniy i otidel'nykh slov (inoskazaniy)* [Popular and accurate words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbs and individual words (allegories)]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
3. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Moscow: Nauka; Leningrad: USSR AS.
4. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>. (Accessed: 12.02.2017). (In Russian).
5. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–49. Moscow; Leningrad: Nauka.
6. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm: Perm State University.
7. Trubachev, O.N. (1960) *Proiskhozhdenie nazvaniy domashnikh zhivotnykh v slavyanskikh yazykakh: etimologicheskoe issledovanie* [Origin of pet names in Slavic languages: etymological study]. Moscow: USSR AS.
8. Fundamental electronic library: literature and folklore. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/feb/foundation.htm>. (Accessed: 12.02.2017). (In Russian).
9. Dahl, V.I. (1981–1982) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
10. Kovshova, M.L. (2009) On symbols and quasi-symbols in semantics of idiomatic expressions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 27–31. (In Russian).
11. Mikhel'son, M.I. (1912) *Russkaya mysl' i rech': svoe i chuzhoe: opyt russkoy frazeologii: sb. obraznykh slov i inoskazaniy: posmertnoe izdanie* [Russian thought and speech: native and foreign: the experience of Russian phraseology: collection of figurative words and allegories: a posthumous edition]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya akts. obshch. "Brokgauz – Efron".
12. Marugina, N.I. (2009) Kontsept "Sobaka" kak element russkoy yazykovoy kartiny mira [Concept "Dog" as an element of the Russian language picture of the world]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2 (6). pp. 11–30.
13. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov proverbs and sayings]. St. Petersburg: Norint.
14. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 3. Moscow: Progress.
15. Mokienko, V.M. (2013) Russkaya frazeologiya v internete (kul'turologicheskie i istoriko-etimologicheskie kommentarii) [Russian phraseology on the Internet (cultural and historical and etymological commentaries)]. *Medialingvistika*. 1. pp. 244–252.
16. Smirnova, E.Yu. (2016) *Kategoriya VKUS v isennostno-smyslovom prostranstve yazyka* [Category TASTE in the axiological space of the language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod.
17. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Vol. 9. St. Petersburg: Nauka.
18. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2000) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona: 25 000 slov, 7 000 ustoychivyykh sochetaniy* [A big dictionary of Russian jargon: 25 000 words, 7 000 fixed phrases]. St. Petersburg: Norint.
19. Leont'eva, T.V. (2008) *Intellekt cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Intellect of man in the Russian language picture of the world]. Ye-katerinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.
20. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
21. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok: bolee 40 000 obraznykh vyrazheniy* [A big dictionary of Russian sayings: more than 40,000 figurative expressions]. Moscow: OLMA Media Grupp.
22. Podyukov, I.A. & Svalova, E.N. (2014) *K piru edetsya, a k slovu molvitsya: narodnaya paremika Permskogo kraja: sb. fol'klornykh tekstov s kommentariyami i istolkovaniyami* [Folk paremiae of the Perm region: collection of folklore texts with commentaries and interpretations]. St. Petersburg: Mamatov.
23. Matveev, A.K. (ed.) (2001–2011) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vols 1–5. Ye-katerinburg: Ural State University.
24. Lexical card file of toponymic expedition of UrFU (stored at the Department of Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University named after the first President of Russia BN Yeltsin, Ye-katerinburg). (In Russian).
25. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
26. Snegirev, I.M. (1999) *Russkie narodnye poslovitsy i pritchi* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow: Indrik.
27. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri: v 5 t.* [Dictionary of Russian dialects of Siberia: in 5 vols]. Vol. 4. Novosibirsk: Nauka.
28. Koval', U.I. (1995) *Narodnyya yuyalenni, paver'i i prykmety: davednik pa yshkhodneslavyyanskay mifalogii* [People's views, beliefs and omens: A Guide to the East Slavic mythology]. Gomel: Gomel Belarus Agency of scientific, technical and business information.
29. Makovskiy, M.M. (1996) *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropeyskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: the image of the world and the worlds of images]. Moscow: Vlos.
30. Bektemirova, S.B. (2015) [The image of a dog in the Turkic and Slavic cultures]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. Proceedings of the XIII Congress of The International Association of Teachers of Russian Language and Literature. Granada, Spain. 13–20 September 2015. Vol. 6. St. Petersburg: MAPRYaL. pp. 55–60. (In Russian).
31. Kyzlasova (Sleptsova), I.S. et al. (2012) *Ocherki traditsionnoy kul'tury Ul'yanovskogo Prisur'ya: etnodialektnyy slovar': v 2 t.* [Essays on the traditional culture of Ulyanovsk Prisure: ethnodialectic dictionary: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Indrik.
32. Buzin, V.S. (2015) Idiomatic study of idioms and rituals: custom of "chasing the dogs" in Tambov region. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Series: Humanities*. 2015. № 2 (142). pp. 147–153. (In Russian).
33. Belyakova, S.M. (2015) Sobaka v dialektnom i literaturnom diskurse [A dog in the dialectal and literary discourse]. In: Kryuchkova, O.Yu. et al. (eds) *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: k 80-letiyu V.E. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures: on the 80th anniversary of V.E. Goldin]. Moscow; Saratov: Nauka obrazovaniya.
34. Evdokimycheva, M.A. (2007) Obydennyye predstavleniya v kartine mira russkoy kul'tury: izuchenie na yazykovom materiale [Ordinary representations in the picture of the world of Russian culture: study on linguistic material]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 31. pp. 55–58.
35. Bizunova, E.V. (2005) Mir frazeologii: popytka peresmotra nekotorykh traditsionnykh ponyatiy [The world of phraseology: an attempt to revise some traditional concepts]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2. pp. 59–72.

Received: 25 August 2017